

Артем Тихомиров

Запруда

Арте́м Тихоми́ров

Запруда

«Автор»

2006

Тихомиров А.

Запруда / А. Тихомиров — «Автор», 2006

Он потерял большой кусок памяти и забыл о самом важном. Во время прогулки по лесу он попадает в странное место и встречается с чудовищем, которое требует с него дань. Герою приходится выбирать между своей жизнью и жизнью близких. Каков будет его ответ в назначенный срок?

© Тихомиров А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Артем Тихомиров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артем Тихомиров

Запруда

На второй день пребывания у озера, он почувствовал настоятельную необходимость побыть одному. Сказал приятелю, у которого гостил, что сходит прогуляться. Тот пожелал ему удачи и спросил, когда ждать назад. Ну, может быть, часа через два-три...

Царев вышел из дома и стал подниматься на холм. Места эти он знал довольно хорошо. Надо взойти по каменистому откосу, потом прошагать под высоченными соснами, через пятьдесят метров начать спуск с юго-восточной стороны, а уже затем оказаться на дороге, что напрямую вела к озеру. Царев свернул чуть влево – выбрал самый крутой участок подъема. Несколько минут пришлось чуть ли не карабкаться. Наверху Царев остановился, чтобы перевести дыхание.

На склоне примостился дачный поселок. Тридцать или сорок домиков, по большей части неказистых. В двухстах метрах – вниз по склону – текла небольшая речушка, густо заросшая камышами. Вода подходила к участкам, расположенным ниже всех, а весной даже просачивалась через каменные ограды.

В этот раз Царев отправился за город к приятелю один. Он слишком устал в последнее время и нуждался в отдыхе. Ничего личного. Все дело в самой обыкновенной тишине. Может быть, сказал Царев жене перед отъездом, в следующий раз я отвезу вас сюда, а сам вернусь домой. Так мы уравновесим положение. В первый же день Царев поделился с Лошкаревым этой идеей и тот ответил, что никаких проблем. Он был холост, поэтому любой компании только радовался.

Ночь Царев проспал без сновидений, и проснулся поздно с неким чувством пустоты внутри. словно что-то вынули из него и ничего не положили взамен. Лошкарев, готовивший на завтрак котлеты из полуфабрикатов, заметил, что у Царева физиономия похожа на удивленную куклу. словно эта кукла не могла нарадоваться, что кто-то ее, наконец, купил. Такие сравнения были в его духе; работал он в крупном издательстве, выпускающем художественную литературу, и сам пописывал рассказы для толстых журналов. Царев не был поклонником творчества Лошкарева, и шуточка ему не очень понравилась. Но он улыбнулся.

Так или иначе, отдохнул Царев хорошо, невзирая на вчерашнее пиво. Проснулся от запаха готовящейся пищи и, встав, проковылял на кухню. Приятель готовил – любил это делать в отличие от многих холостяков. На нем был фартук в цветочек и шорты с сандалиями, больше ничего. В углу рта примостилась сигарета. Он сказал «Привет» и махнул деревянной лопаточкой, блеснувшей жиром в солнечном свете. Поглядев на этого беззаботного человека, Царев вспомнил о своей семье и ощутил зависть. Жена, восьмилетний сын – он их любил, без сомнений, но иногда так хотелось стать таким же – свободным.

Царев дождался, когда еда из тарелок перекочевала в желудок, и сказал, что пойдет прогуляться. Один.

– Не заблудишься? – спросил приятель,

– Нет, конечно. – Царев решил взять фотоаппарат. Мысль сделать несколько снимков озера и его окрестностей появилась секунду назад. – Я помню, – добавил он.

– Смотри. Не сворачивай никуда, – ответил приятель, закурив. Он сложил руки на животе и вытянул ноги под столом. Вся его поза выражала довольство. Вчера весь вечер они говорили о своей жизни, о прошлом, настоящем, о том, что намереваются встретить в своем будущем, но Царев ничего не помнил из этого разговора. Странно. И банально. Видимо, он попросту напился, хотя похмелья и не чувствовал.

Теперь Лошкарев наблюдал за ним, прищурившись. Неужели вчера вечером он что-то такое сказал, за что ему может быть стыдно?

Царев надел на плечо сумку, пристроил на дно цифровую фотокамеру.

«Не сворачивай никуда». Он что, пошутил? Царев заглянул в комнату. Приятель стоял возле стола с банкой пива, которую намеревался открыть.

– А что произойдет?

– В смысле?

– Если сверну? – спросил Царев.

– Я имел в виду, что даже я тут не все знаю. Мало ли что. – Он улыбнулся и открыл банку, та коротко зашипела. Было похоже на то, как чихает кошка.

Вечно у него так, всякие намеки да полуфразы. Их десятилетнее знакомство не сделало Лошкарева понятней. Может быть, все писатели такие...

Узкая тропинка, засыпанная козыми шариками, причудливо извивалась. Царев обходил следы, оставленные животными, но не видел поблизости ни одного из них. Он повстречал только одного человека с того момента, как вышел из дома, и тот – невысокий мужчина – даже не поглядел в его сторону. Цареву было все равно. Он шагал, погрузившись в себя, и старался не думать ни о чем. Одно время пытался припомнить вчерашний разговор за пивом, однако и это быстро надоело.

Солнце скрылось за фронтом облаков. Тень поползла по земле и настигла Царева на полпути к озеру. Он двигался по обочине грунтовой, хорошо укатанной дороги. Не доходя до зоны, где резвились отдыхающие, он свернул направо. Люди ему были не нужны. Царев намеренно сторонился сейчас любого общества.

Запахло водой, водорослями, слизью, растущей на камнях. Царев вдохнул воздух с озера и почувствовал дрожь. Чайки вились над водой, их писк сливался с шелестением накатывающих на песок и камни волн. Одна из чаек вонзилась в воду и взлетела через секунду с маленькой рыбкой в клюве. Ее подвиг повторила другая птица. Они ринулись вместе со своей добычей в разные стороны.

Царев дошел до массива источенных временем булыжников на берегу и остановился. Потом взобрался на невысокий камень и закурил. В его голове возникла картинка: жена сидит у окна на стуле и жует печенье. Кажется, это происходило вчера. Именно вчера. Валя с беззаботностью человека, сделавшего все домашние дела, сбросила тапочки и сложила ноги на пуфик. Ноги у нее были красивыми, а пальцы нет. Они всегда Цареву не нравились. Что-то в них было несуразное. Но, в конце концов, он женился на этой женщине не из-за пальцев – и по этой причине не обращал на них внимания все девять лет брака. Жена сидит и грызет печенье, глядя в окно. Она любит слушать всякую поповую ерунду по радио, а Царев терпеть не может. Он подошел с желанием спросить, что же такое Валя увидела за стеклом, но передумал. Чем, интересно, они с Толей занимаются сейчас?

«Езжай, отдохни», – сказала Валя, узнав в пятницу вечером о его планах. Ей было все равно. Эта мысль внезапно его поразила. *Все равно*. Царев помнит, как, стоя рядом со стулом, на котором устроилась жена, закрыл глаза, а потом открыл, подождав пять секунд. Ничего не изменилось. Девять лет совместной жизни не исчезли, колесо времени не завертелось в обратную сторону, чтобы вернуть все по своим местам: Валю обратно в свой мир, а его – в свой. Крошки от овсяного печенья упали жене за халат, на грудь, и застряли в ущелье между двумя кусками плоти. Это ничуть не возбуждает, подумал Царев, и отвернулся.

Он бросил окурочку в ямку между камнями. Встал и вынул из сумки камеру с намерением сделать несколько снимков.

Крупная чайка плюхнулась в воду неподалеку, напугав Царева, и взлетела. С ее крыльев падали блестящие капли. Он поглядел ей вслед, чувствуя напряженный стук сердца.

* * *

Царев сделал несколько снимков озера. Затем, повернувшись к лесу, сфотографировал перенгу высоченных сосен. Решив, что больше здесь делать нечего, отправился вдоль берега. Настроение заниматься творчеством как рукой сняло. Вновь навалилась апатия.

Он представил себе жену, сидящую возле окна. Склоненная голова, расслабленная поза. Чем дальше, тем больше Валя замыкалась в своем мирке. Цареву казалось, что она обзавелась привычкой смотреть сквозь него.

«Что же она там видит? Сквозь меня? – перекатывается в сознании мысль. – Хоть бы оделась один раз».

Царев сворачивает в сторону леса. Жена лежит на их постели, разбросав руки; она спит, и ей жарко, на шее и груди блестит пот. Летом она ложится только в трусиках, говорит, что не может по-другому. Ничуть не смущается тем, что в спальню может случайно войти сын. Царев наблюдает эту картину каждое утро. Валя храпит. Ноги высунулись из-под простыни, и видны ее некрасивые пальцы. Должно быть, женщины в ее роду все с некрасивыми пальцами, хотя сами ноги, в общем, ничего. В свое время Царев оценил их по достоинству.

Дорожка незаметно зарождается где-то на пляже и ближе к лесу принимает должный вид. Царев бредет по ней, гонимый желанием уйти подальше от открытого места. Лес. Сосны тянулись вверх, смыкались кронами, закрывая небо. Между деревьями висели светло-серые сумерки, изредка разбавляемые желтым солнечным светом. С обеих сторон тропинку обступают кусты, из которых на Царева вылетают многочисленные эскадрильи комаров. Кровопийцы преследуют, атакуя лицо и незащищенные кисти рук. Укусы чешутся. Царев останавливается и фотографирует дорожку – не имея понятия, для чего ему этот кадр.

Дошагав до камня, торчащего с левого края тропы, Царев решает углубиться в чащу. Правда, после некоторого замешательства. Приятель предупреждал, чтобы Царев никуда не сворачивал, но вот же – свернул. Теперь придется идти до конца. Лошкарев, разумеется, пошутил. Царев хорошо знает этим места (или думает так), поэтому не беспокоится. Если сейчас взять направо и идти все прямо, то придешь прямехонько к поселку. Да и озеро рядом, рукой подать, метров сто-сто пятьдесят, не больше.

Царев отрывает от засохшего куста ветку и идет дальше через подлесок. Сумка стучит его по левому бедру. Удар веткой – и крапива почти в рост человека склоняется, умирая. Отмашка – и здоровенный лопух падает ниц. Царев на несколько минут увлекается этой игрой, словно одиннадцатилетний мальчика. Он шагает по густо устланной гниющими листьями земле.

Когда-то Валя боялась выходить за него замуж, мотивируя тем, что если с ним произойдет несчастье, то некому будет о них позаботиться. Она имела в виду себя и будущего ребенка, а может, и не одного, который родится к тому времени. Царев не понимал такой логики. Если бы, например, Валя боялась бытовых неудобств и нехватки средств к существованию, другое дело. Тут же, по его мнению, была какая-то белиберда. Ну да, с каждым случится несчастье, но разве можно об этом думать так серьезно? Царев спросил, шутит она или нет. Валя посмотрела на него печальными глазами и сказала, что не шутит.

– У меня есть перспективы в фирме, карьерный рост. У меня есть жилье, – сказал Царев. – Разве этого мало?

– Я просто подумала, что никто не застрахован. Вот возьмет и случится несчастье. Или с тобой, или со всеми нами, или только со мной. – Она поглядела на него полными слез глазами. Царева передернуло. Он почти поверил в то, что их непременно ожидает в будущем катастрофа... Пожар, авария, террористический акт, вооруженный грабёж, эпидемия страш-

ной болезни. Если верить словам Вали, можно подумать, что стоит им расписаться, как все эти несчастья свалятся им на голову и не оставят от них и мокрого места.

В общем, Царев решил, что на его предложение ответили отказом и десять месяцев встреч и интимных отношений, совместных выходных и обедов в ресторанах ничего не значили. Ему придется искать другую женщину, чтобы связать с ней свою судьбу. Но Валя, оказывается, и не думала его отвергать. По ее словам, она пробовала успокоить саму себя, а на это потребовалось определенное время. Все-таки замужество – ответственное дело. Да, согласился Царев, пыл которого уже немного поугас, очень даже ответственное. Перед глазами у него вспыхнула картина: Валя сошла с ума и выходит на улицу в одной ночной рубашке и вещает о близком конце света...

Они поженились через два месяца. Продолжения разговора о будущих несчастьях не последовало. Нечто подобное всплыло позже, после рождения сына.

* * *

Валя чувствовала себя словно сломанная машина, как робот без батареек. Жаловалась на бессонницу и давящее чувство разлада во всем организме. Видимо, сказал их знакомый врач, дело в том, что организм на время сошел с ума от гормональных изменений. Роды – не дополнительный выходной, добавил он и засмеялся, будто его объяснение решало все проблемы. Валя снова стала говорить о возможных несчастьях... и куда им двоим податься, если он, Царев, умрет? Видимо, в тот момент ей не приходило в голову, что сама она тоже не бессмертна. И с ней может случиться любая беда. Например, ударит током, или под ногу в ванной попадет кусок мыла, или укусит энцефалитный клещ. Валя смотрела на мир сквозь черные очки, но как-то избирательно. Царев чувствовал свое полное бессилие.

Врач прописал ей какие-то таблетки – то ли от депрессии, то ли от гормонального дисбаланса – но, по мнению Царева, все прошло само. У него были подозрения, что Валя выбрасывает лекарство в унитаз. Он никак не мог проверить свою гипотезу, потому что работал по десять-двенадцать часов в сутки и не в состоянии был контролировать процесс. Приходя домой (приползая), Царев видел одну и ту же картину: Валя лежит на диване в распахнутом халате и смотрит телевизор пустыми, как стеклянные пуговицы, глазами; по ее словам, у нее еле хватало сил ухаживать за ребенком. Однажды она сказала мужу, что видела его в галлюцинации, которая посетила ее на кухне три часа назад. Якобы он, Царев, хочет ее убить.

Царев боялся, что у жены шизофрения, но постепенно как-то все само собой образовалось. Вероятно, дело было в таблетках, а еще вероятней то, что Вале надоело нянчить свое безумие. Даже депрессии наступает конец. Царев смог вздохнуть спокойно: все пошло своим чередом. Сын рос, а они оба приближались к тридцатилетию.

Несчастье. Это слово маячило где-то за их спинами все девять лет брака, не исчезало ни на секунду.

Шагая через лес, он вспоминал жену и ее взлохмаченную голову, похожую на застывший взрыв. С тех пор, как Валя бросила работу, посвятив себя дому, она уже не следила за собой так тщательно. Могла ходить целый день не причесавшись, босиком, не подпоясав халат. Иногда, занимаясь с Вале сексом, Царев испытывал отвращение; он старался все сделать побыстрее и уснуть (при этом воображал под собой совсем иное тело, принадлежащее какой-нибудь женщине из рекламы). Видимо, и жене это не доставляло удовольствия – она не возражала, чтобы муж просто кончил и отвалился (представляла ли она кого-нибудь другого?). К этому, думал Царев, рано или поздно приходят все. Не хотелось думать о самом худшем, но несчастье, похоже, догнало их обоих... Валя слишком часто думала о нем.

Царев мог бы развестись, если бы не Толя. С сыном это во сто раз тяжелее. Нет смысла даже всерьез рассматривать такую возможность, ради мальчика надо терпеть.

* * *

Царев перешагнул через овальную впадину в земле, заполненную стоячей водой. Впадина походила на след какого-то громадного животного. Края ее заросли длинными прядями порывшей травы.

Царев хлестнул по зарослям лопуха вицей и осмотрелся. Оказывается, погруженный в свои мысли, он ушел дальше, чем предполагал. Теперь его окружал лес, одинаковый со всех сторон. От тропинки, по которой Царев шел и от которой свернул влево, не осталось и воспоминаний. Комары здесь летали огромные, полосатые, безумно голодные. Цареву пришлось отломить ветку с листьями, чтобы отмахиваться от них. Куда теперь идти? Чем дальше он углубляется, тем больше отходит от человеческого жилья. Заблудился? Нет, вряд ли, но близко к тому. Самым трудным было определить то направление, откуда он пришел. Чувствуя, как пот течет по вискам, Царев повернулся несколько раз вокруг оси. Это ничего не дало. Он не знал, куда идти. Все просто. Не имел представления. Лес. Один лес. Царев вернулся к яме, заполненной водой, и попробовал вспомнить, как перешагивал через нее. Легкость была обманчивой. Ноги воспроизвели недавнее движение. Царев повернулся лицом туда, откуда, как ему казалось, он появился. Сердце стучало ровно, но уже готовилось сорваться в галоп. «Надо просто идти в обратном направлении – рано или поздно я найду тропинку».

Еще он поискал глазами мхи и посмотрел, как растут кроны, чтобы определить, где север. Оказалось, впрочем, что и эта нехитрая наука ему не по силам. Невозможно понять, с какой стороны кроны меньше, а с какой больше. Царев схватил телефон. Сотовый тоже не помог ему. Он оказался вне зоны приема.

Надо довериться интуиции и идти назад...

И Царев пошел, стараясь держать от себя на расстоянии это назойливое, мерзкое, прилипчивое чувство.

Панику.

«Я отошел от тропы только на пятьдесят-шестьдесят метров, не больше. Не надо устраивать вой до небес!»

Порция оптимистического самовнушения не повредит. Царев шел вперед, размахивая веткой. Комары яростно звенели и кусали его за уши и шею.

Он ускорил шаг. Теперь просто проламывался через заросли, не разбирая дороги. От лесной романтики не осталось и следа.

«Заблудился. Как пить дать!»

В животе возникла тяжесть, засосало под ложечкой. Царев втягивал воздух раздутыми ноздрями. Ему казалось, что так легче справляться со страхом.

Лес все не менялся, однообразие угнетало. Царев делал широкие шаги и старался всеми силами сохранять спокойствие.

«Зачем понадобилось сворачивать? Что за дурость? Кто меня тянул?»

В то время он думал о своей жене и не видел, куда идет. Очнулся, когда уже было поздно.

«Теперь благодаря ей я заблудился, – подумал он. – Если я никогда не найду дорогу назад, то...» Он даже не закончил мысль, так его ужаснула эта перспектива. Один. В лесу. Близко от человеческого жилья.

Он посмотрел на часы. Уже половина второго. Может быть, Лошкарев начал беспокоиться о нем. Допустим, это так. Какие шаги он предпримет? Куда отправится? Что сделает в первую очередь тот, кто предупреждал никуда не сворачивать?

Лошкарев как будто знал заранее. Но, конечно же, он не мог знать. Просто так пошутил.

Царев рылся в памяти, стараясь выудить из нее, что ему известно об этих местах.

Если он идет в направлении поселка, то ему повезло, если нет, то выйдет либо на берег озера, либо к железной дороге. Оставался еще один путь, самый для него неудачный. Лес. Тайга, уходящая так далеко, что Царев не представлял себе ее границ. Огромный лесной массив, о котором он не имел ни малейшего представления. Если он углубляется в него, то дело плохо. Выходит, он переоценил свои знания.

Царев остановился.

«Неправильно! Все неправильно!»

Куда теперь идти?

Наугад.

У Царева остается единственная возможность – держаться южного направления. Это значит, что надо взять немного влево. И идти, надеясь вернуться к озеру. В любом месте, главное – выбраться из этой чащобы.

Он открыл сумку и запустил в нее руку, помня, что там должна быть бутылочка с минеральной водой. Она была на месте. Сделав два глотка, прополоскал рот. Вернув бутылку в сумку, Царев пошел, как ему казалось, на юг.

Через двадцать минут почва под ногами стала влажной, а заросли чересчур густыми. Ему пришлось продираться сквозь кустарник, собирая на себя паутину и прочую мерзость. Он обжег руки крапивой, насажал на джинсы репья, а однажды ступил левой ногой в лужу. В ботинке захлюпало. Настроение Царева окончательно испортилось. На время раздражение оттеснило страх и принесло с собой хорошую порцию злости. Новой палкой, которой он обзавелся пять минут назад, Царев отхлестал первый попавшийся куст. Рваные листья полетели в разные стороны.

Он передохнул и отправился дальше, продолжая свое мрачное путешествие.

Неожиданно перед ним оказался ручей. Царев остановился на его берегу, не в силах поверить удаче. Вода бежала справа налево, кажется, на юго-восток. Берега ручья, примерно шириной в метр, поросли травой, тут и там виднелись покрытые мелкими цветочками кочки. Царев огляделся и утер пот со лба. Ситуация изменилась. Надо думать, что делать дальше. Ручей, по всей видимости, вытекает из болота. Или – другая версия – из озера, что, как считал Царев, маловероятно.

Если идти по течению, то весьма вероятно, вода приведет его к людям.

Или к другому болоту, например.

Царев перескочил на другой берег ручья. Он долго выбирал, в какую сторону пойти, выдвигая не очень убедительные для обоих вариантов основания, а потом взял и просто пошел по течению. Ему казалось, что так у него больше шансов выйти из леса.

* * *

Он идет уже минут сорок, уставший и почти отчаявшийся. Ему, городскому жителю, невероятно трудно осознавать свою беспомощность. Если он и двигается до сих пор, так только потому, что его гонит все возрастающий страх.

Несколько раз Царев останавливается и кричит, зовя на помощь. Надежда слаба, но он надеется, что где-то в пределах слышимости все-таки окажется местный житель.

Крики не помогают.

Через какое-то время ручей ускоряет свой бег – местность понижается. Вода весело журчит и перекачивается через маленькие порожки, но Царев испытывает к ней только отвращение. Он ненавидит и этот ручей, и этот лес. Трижды Царев из-за слабости в ногах споткнулся и упал. Теперь его джинсы и куртка спереди вымазаны грязью, к ним прилипли листья и скапанные волокна паутины. Царев не смотрит на это, его толкает вперед страх.

Лес становится реже, а склон круче. Царева несет, он почти ничего не видит перед собой. Он готов заплакать, но его отвлекает от этой позорной мысли какой-то предмет, об который он чуть не зацепился ногой.

Царев смотрит на деревянную табличку, вбитую в берег ручья. Она клонится вбок, словно от усталости. На ней что-то написано, и чтобы это прочесть, надо присесть на корточки. Царев садится и видит, что табличка состоит из узкого обрезка доски и прямоугольного куска фанеры, которая держится на одном гвозде. На фанерке полустершаяся надпись корявыми, наверное, детскими буквами, еле различимая. Царев выдергивает табличку из земли и подносит к глазам. Ему кажется, что это послание о том, как ему выбраться из леса и спастись. Но буквы говорят о другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.